

УДК 316.334.52

DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-0-6



Исследовательская статья

¹Брандт Я. А.

²Бурмакина А. Л.

³Рыбакова О. С.

⁴Кранзеева Е. А.

Социальная консолидация и мобилизация региональных женских и молодежных сетевых сообществ Сибири

Кемеровский государственный университет,
улица Красная, дом 6, Кемерово, 650000, Россия

¹yan.brand@mail.ru

²anna-sidjakina@rambler.ru

³lirkakom@gmail.com

⁴elkranzeeva@mail.ru

Аннотация. В условиях активной цифровизации коммуникации власти и населения процессы консолидации и мобилизации сетевых сообществ приобретают особое значение, отражая способность общества к самоорганизации в кризисных ситуациях. Актуальность исследования обусловлена необходимостью понимания того, каким образом женские и молодежные сетевые сообщества адаптируются к новым социальным условиям и выстраивают формы коллективного действия, в том числе в текущих условиях специальной военной операции. Проблема исследования заключается в том, что региональные женские и молодежные сетевые сообщества активно включаются в процессы социальной консолидации и мобилизации, однако недостаточно изученным остается соотношение этих процессов и их проявления в текущей социально-политической ситуации. В статье использовались методы количественного и качественного анализа сетевой активности региональных женских и молодежных сообществ Сибири. Для исследования были отобраны 251 женское и 301 молодежное сообщества в социальной сети «ВКонтакте» следующих территорий: Ямало-Ненецкий автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ, Тюменская область, Кемеровская область-Кузбасс, Иркутская область, Томская область, Красноярский край, Республика Хакасия, Республика Тыва, Новосибирская область, Алтайский край, Республика Алтай. Полученные результаты показывают, что динамика формирования региональных сообществ различна. В период начала СВО (2022 – 2023 гг.) активно создаются женские сообщества с тематикой СВО, они чаще формируются самоорганизационно, постепенно институционализируются, образуя устойчивые структуры взаимопомощи. Молодежные сообщества чаще демонстрируют административную консолидацию, реализуемую через заданные формы участия и государственные инициативы. Выводы исследования подчеркивают, что консолидация выступает условием мобилизационной готовности региональных сетевых сообществ. Сообщества могут быть активизированы не только для реализации текущих инициатив, например, гуманитарной помощи, но и для последующего решения других общественно значимых задач для региона.

Ключевые слова: социальная консолидация; социальная мобилизация; сетевые сообщества; женские сообщества; молодежные сообщества; Сибирский макрорегион; СВО (специальная военная операция)

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, «Социальная и политическая мобилизация женских и молодежных сообществ Сибирского макрорегиона в условиях специальной военной операции (СВО)» № 25-28-01459, <https://rscf.ru/project/25-28-01459/>.

Информация для цитирования: Брандт Я. А., Бурмакина А. Л., Рыбакова О. С., Кранзеева Е. А. Социальная консолидация и мобилизация региональных женских и молодежных сетевых сообществ Сибири // Научный результат. Социология и управление. 2026. Т. 12, № 4. С. 83-102. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-0-6.

Research article

¹Yana A. Brandt 

²Anna L. Burmakina 

³Oksana S. Rybakova

⁴Elena A. Kranzeeva 

Social consolidation and mobilization of regional women's and youth network communities in Siberia

Kemerovo State University,
6 Krasnaya St., Kemerovo, 650000, Russia

¹yan.brand@mail.ru

²anna-sidjakina@rambler.ru

³lirkakom@gmail.com

⁴elkranzeeva@mail.ru

Abstract. In the context of the active digitalization of government-public communication, the processes of consolidation and mobilization of online communities are particularly important, reflecting society's capacity for self-organization in crisis situations. The relevance of this study stems from the need to understand how women's and youth online communities adapt to new social conditions and build forms of collective action, including in the current context of a special military operation. The problem with this study is that regional women's and youth online communities are actively involved in social consolidation and mobilization processes, yet the relationship between these processes and their manifestations in the current socio-political situation remains insufficiently studied. This article utilizes quantitative and qualitative methods of analyzing the online activity of regional women's and youth communities in Siberia. The study included 251 women's and 301 youth communities on the VKontakte social network across the following regions: the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, the Khanty-Mansi Autonomous Okrug, the Tyumen Region, the Kemerovo Region-Kuzbass, the Irkutsk Region, the Tomsk Region, the Krasnoyarsk Territory, the Republic of Khakassia, the Republic of Tyva, the Novosibirsk Region, the Altai Territory, and the Altai Republic. The results show that the dynamics of community formation vary across regions. During the start of the special military operation (2022-2023), women's communities focusing on the special military operation were actively formed. They often formed self-organized and gradually institutionalized, developing into sustainable mutual aid structures. Youth communities more often demonstrated administrative consolidation, implemented through established forms of participation and government initiatives. The study's findings emphasize that consolidation is a prerequisite for the mobilization readiness of regional online communities. Communities can be activated not only to implement current initiatives, such as

humanitarian aid, but also to subsequently address other socially significant issues for the region.

Keywords: social consolidation; social mobilization; network communities; women's communities; youth communities; Siberian macroregion; SVO (the special military operation)

Acknowledgements. The research was carried out using a grant from the Russian Science Foundation for the project “Social and political mobilisation of women's and youth communities in the Siberian macroregion in the context of the special military operation”. № 25-28-01459, <https://rscf.ru/project/25-28-01459/>.

Information for citation: Brandt, Ya. A., Burmakina, A. L., Rybakova, O. S., Kranzeeva, E. A. (2026), “Social consolidation and mobilization of regional women's and youth network communities in Siberia”, *Research Result. Sociology and Management*, 12 (4), 83-102. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-4-0-6.

Введение (Introduction). Современные процессы цифровизации и роста коммуникационных возможностей изменили формы и механизмы социальной консолидации и мобилизации. Локальные сообщества, ранее существовавшие преимущественно в офлайн-пространстве, всё активнее переносят взаимодействие в цифровую среду, где формируются новые каналы горизонтальных связей и гражданской активности. Актуальность темы определяется необходимостью осмысления механизмов консолидации и самоорганизации сетевых сообществ в условиях цифровизации, социальной неопределенности. Сегодня становится очевидной роль горизонтальных сетей, объединяющих участников на основе общих ценностей, жизненных практик и гражданской инициативы. Для Сибири, как для региона с высокой пространственной разобщенностью, сетевые формы коммуникации становятся важнейшим инструментом объединения и мобилизации жителей, вариантом быстрого взаимодействия, обсуждения и решения актуальных проблем.

Понятия социальной консолидации и социальной мобилизации нередко используются в смежных контекстах, однако их аналитическое разграничение принципиально важно для понимания. Консолидация отражает процесс формирования устойчивых связей, объединяющих субъектов на основе общих интересов, ценностей и целей. Это относительно длительный процесс, направленный на укрепление горизонтальных коммуникаций, повышение уровня взаимного доверия. Мобилизация, напротив, характеризуется большей динамичностью и реактивностью. Она зачастую возникает как ответ на внешние вызовы, кризисные и/или конфликтные ситуации, требующие от сообщества активного действия. Если консолидация создает потенциал для совместных действий, то мобилизация представляет собой реализацию этого потенциала в условиях конкретного социального триггера. Мобилизация может становиться способом публичного проявления социальной солидарности, инструментом предъявления коллективного «мы» в цифровом и офлайн-пространстве.

В современных условиях существования внешних угроз, продолжающейся специальной военной операции, актуализируется необходимость исследования процессов объединения и устойчивых взаимодействий региональных сообществ для сохранения целостности и формирования ответа на социальные и политические вызовы, возникающие в быстро меняющейся социальной реальности. На наш взгляд, высокий потенциал в этом отношении имеют женские и молодежные сообщества. Не заявляя напрямую о своих политических интересах, данные группы имеют широкие ресурсные возможности для объединения и реализации гражданских и социальных инициатив, направленных на оказание востребованной помощи, преобразование окружающей действительности. Сетевое пространство и высокая активность обозначенных групп в нем дает дополнительные

преимущества в быстрой реализации общественно полезной деятельности. Изучение процессов социальной консолидации и мобилизации сообществ способствует совершенствованию управленческой практики взаимодействия органов власти и представителей общественности, привлечения потенциала и ресурсов граждан для реализации инициатив, особенно в кризисные периоды.

Цель статьи – сравнить процессы социальной мобилизации и консолидации региональных сетевых женских и молодежных сообществ Сибири и охарактеризовать их проявления в текущих социально-политических условиях.

Методология и методы (Methodology and methods). В российском научном сообществе разворачивается дискуссия о моделях и каналах коммуникации между властью и населением. Ученые подчеркивают, что цифровизация общественной коммуникации изменила характер взаимодействия между властью и населением. Так, А. В. Зябликов, А. А. Максименко, Ф. Т. Ахунзянова и А. В. Зайцев отмечают, что значительная часть законодательных и технических барьеров для продуктивного онлайн-диалога власти и населения уже преодолена. Однако на первый план выходят препятствия ментального и психологического характера, а также стремление части представителей власти использовать цифровую среду преимущественно как инструмент формализации коммуникации, а не как площадку для реального диалога (Зябликов, Максименко, Ахунзянова, Зайцев, 2023). А. А. Мерзляков акцентирует внимание на роли региональных и муниципальных властей в развитии цифровых каналов общественного участия, особенно в контексте реализации национальных проектов. Он подчеркивает необходимость расширения форм взаимодействия, внедрения интерактивных и дистанционных механизмов, а также использования потенциала региональных СМИ для вовлечения новых целевых групп населения (Мерзляков, 2024). Е. Н. Заборова рассматривает электронные формы взаимодействия как фактор повышения эффективности государственного управления. При этом, несмотря на сохраняющиеся противоречия и риски формализации диалога, появляется возможность реального участия населения, от консультативных форм до выражения позиции при выработке стратегий развития территорий (Заборова, 2024). Исследователи (Ревякин, 2018; Троцук, Дурсина, 2025) отмечают противоречивость складывающихся процессов цифровой трансформации, благоприятно влияющих на создание более удобных способов коммуникации и представления информации в сетевом пространстве, снижающих затраты и усилия для участия граждан в принятии решений, но вместе с тем по-прежнему недостаточной вовлеченностью граждан в конструктивный диалог между органами власти и представителями общественности (Леонтьева, Санина, 2025). Коммуникация в сетевом пространстве зачастую представляет односторонний поток информации со стороны органов власти, население подключается к обсуждению в ответ на наиболее триггерные тематики, в основном критикуя и не предлагая вариантов решения. В таких условиях консолидационные и мобилизационные процессы могут отражать потенциальные возможности для включения в полноценный диалог с властью, четким обозначением интересов и целей всех участников взаимодействия.

Вопросы консолидации рассматриваются через призму социальных связей, коллективной идентичности и механизмов самоорганизации сообществ. М. К. Горшков и И. О. Тюрина рассматривают консолидацию через призму гражданской идентичности, связывая её с чувством сопричастности к государству, коллективной исторической памяти и идеей общего будущего (Горшков, Тюрина, 2023). Ряд авторов (Мурзина, Ретинская, 2024; Мысливец, 2023; Чигрин, Узунов, 2022) отмечают, что в условиях цифровизации и трансформации общественных отношений консолидационные процессы приобретают особую значимость, становясь индикатором устойчивости региональных сообществ и их способности к совместному действию. Так, Р. Д. Хунагов рассматривает консолидацию

региональных сообществ как процесс, в основе которого лежит баланс между интеграцией и дезинтеграцией, солидарностью и конфликтом. Консолидация, по его мнению, является не статическим состоянием, а динамическим и противоречивым процессом, зависящим от множества социальных и культурных факторов. Она отражает синергетическую природу общественного развития, где процессы объединения и разделения не исключают, а взаимно обуславливают друг друга (Хунагов, 2023). В. В. Кривописков также связывает процессы консолидации с региональными сообществами, социальными аспектами их взаимодействия и социальным капиталом. По мнению исследователя, объединительный процесс, лежащий в основе консолидации, направлен на одновременные целедостижение и сохранение региональной уникальности, достаточной автономности индивидов, входящих в социальную структуру. Социальный капитал является при этом условием привлечения новых активных членов в региональное сообщество, а его увеличение дает реальные и потенциальные возможности по достижению консолидационных целей. Региональное сообщество и консолидация невозможны друг без друга: образование регионального сообщества идет путем консолидации, а его функционирование и развитие определяют позитивную направленность консолидации и повышение ее уровня (Кривописков, 2024).

Современные западные исследователи отмечают, что цифровые информационно-коммуникационные технологии способны усиливать социальную сплоченность. При этом цифровые инструменты эффективнее там, где уже существует определенный запас социального капитала (т.е. люди уже знакомы в офлайн среде) (Üblacker, Liebig, Namad, 2024). Также отмечается, что, влияние цифровых технологий определяется не интенсивностью их использования как таковой, а структурой уже существующих социальных отношений и характером включения цифровых инструментов в жизнь сообщества (Luguzan, 2017).

В процессах трансформации российского общества, Л. И. Никовская отмечает усиление социального активизма, связанного с «помогающим поведением», взаимопомощью и кооперацией (Никовская, 2024). Указанные тенденции отражают консолидационные процессы в российских регионах, и связывают их со стремлением к преобразованию окружающей действительности.

Интерес для нашего исследования представляет работа В. П. Бабинцева, Г. Н. Гайдуковой, Я. И. Серкиной и Ж. А. Шаповал, в которой авторы, анализируя процессы консолидации в приграничных регионах, предлагают использовать концепцию «социального реализма». Они подчеркивают многовариантность консолидации, выделяя несколько её типов – стихийную, кризисную, административную, имитационную и партнёрскую (Бабинцев, Гайдукова, Серкина, Шаповал, 2025). Такая типология позволяет понять, каким образом иницируются консолидационные процессы – снизу, на основе гражданской активности, либо сверху, через управленческие механизмы.

Социальную мобилизацию мы рассматриваем в контексте социально-политического взаимодействия, социального диалога населения, местных сообществ и власти. Региональные сообщества (в том числе и сетевые) как участники взаимодействия отличаются способностью к мобилизации и самоорганизации для решения локально ограниченных проблем и вопросов. Это способствует адаптации к условиям окружающего мира и социальной реальности, реализации потребности в общении и совместной деятельности, формированию общественного и персонального пространства, включенности в локальную, повседневную жизнь, социализации личности и ее интеграции в общественные структуры, достижению групповых и индивидуальных целей и потребностей.

В работах западных исследователей предпринимаются попытки связать концентрацию власти и мобилизацию сообществ (Aiken, 1969), определить влияние идентичности (в т.ч. территориальной) и политизации населения (Dempsey, 2026). При изучении социальной

мобилизации сетевых сообществ важно учитывать особенности территориального развития, традиции гражданского и социального участия, практики социальной взаимопомощи, а также основания цифровой мобилизации социально-политического взаимодействия. Так, сетевые региональные практики выступают индикатором коммуникативной трансляции значимых общественных практик и позволяют обнаруживать точки сборки общественных интересов, проблемные узлы, а также пустые или закрытые коммуникативные пространства в цифровых сообществах регионов (отзеркаливающих социальные и политические проблемы регионального развития). Полученные результаты могут быть использованы для разработки организационно-управленческих приемов регионального развития, а также для диагностики разрывов территориального развития в темпах освоения ресурсов и инноваций.

Социальная мобилизация сетевых сообществ – это механизм, с помощью которого местные и региональные сообщества в виртуальном пространстве целенаправленно самоорганизуются и апеллируют к власти с требованиями реализации общих и дифференцированных потребностей и интересов (Кранзеева, Головацкий, Бурмакина и др., 2025).

Таким образом, при рассмотрении консолидации в сетевом пространстве региональных сообществ мы придерживаемся подхода, определяющего ее как процесс, предшествующий мобилизации, связанный с образованием сообществ и объединением пользователей вокруг насущных проблем. Возможность мобилизации сообществ на различные инициативы появляется позже, при условии наличия сетевых связей и устойчивых взаимодействий как внутри сообществ, так и между ними.

Ключевым методом в нашем исследовании выступает сетевой анализ, который был реализован как в количественной оценке активности сообществ, так и в качественном рассмотрении содержательного наполнения сетевых региональных сообществ.

Также для иллюстрации консолидационных процессов нами были использованы вторичные социологические данные, полученные из открытых источников ведущих исследовательских центров России – ВЦИОМ, ФОМ. Это позволило систематизировать и интерпретировать уже существующие эмпирические результаты с позиций заявленной проблематики. Вторичный анализ данных выступил инструментом верификации теоретических положений, обеспечивая эмпирическую основу исследования.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). В условиях усиливающихся внешнеполитических и экономических вызовов консолидация общества приобретает особое значение как фактор устойчивости и коллективной самоидентификации. Показатели единства, доверия и готовности к совместным действиям отражают не только состояние общественных настроений, но и уровень адаптации к новым социальным реалиям.

Так, динамика показателей общественного единства в России за последние двенадцать лет демонстрирует устойчивый рост уровня консолидации. Согласно данным исследования «Мы разные, но мы вместе!»¹ (2024), доля граждан, ощущающих народное единство, увеличилась почти втрое – с 23 % в 2012 году до 61 % в 2024 году. Параллельно снизилась доля тех, кто не считает общество сплочённым (с 56 до 31 % соответственно). Фиксировались периоды заметных подъёмов уровня общественной солидарности, а также спады, отражающие социальную усталость и внутренние противоречия. С 2022 года наблюдается устойчивая тенденция роста, что, вероятно, связано с усилением консолидационных процессов на фоне внешнеполитических вызовов (Таблица 1).

¹ Результаты опроса россиян «Мы разные, но мы вместе!», приуроченного ко Дню народного единства. 2024.
URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/my-raznye-no-my-vmeste> (дата обращения: 05.09.2025).

Таблица 1
Есть в России, по Вашему мнению, сегодня народное единство или нет? %

Table 1

In your opinion, is there national unity in Russia today or not? %

	2012	2014	2015	2016	2017	2019	2021	2022	2023	2024
Скорее есть / Rather yes	23	44	54	44	54	37	31	56	58	61
Скорее нет / Rather not	56	35	35	44	40	54	61	37	35	31
Затрудняюсь ответить / Hard to say	21	21	11	12	6	9	8	7	7	8

Можно сказать, что процессы консолидации в российском обществе во многом носят контекстуальный характер, усиливаясь в периоды внешнеполитических и социальных вызовов. Так, по данным исследования «Жизнь по своим правилам (2022 г.)»¹, более половины граждан (61%) отметили, что специальная военная операция России на Украине способствовала сплочению общества. Противоположной точки зрения придерживаются 20% опрошенных, тогда как 10 % не заметили изменений, а 9% затруднились с оценкой (Таблица 2).

Таблица 2

Есть разные мнения о том, как специальная военная операция России на Украине повлияла на российское общество, на отношения между людьми. А какая точка зрения ближе вашему мнению? Военная операция России на Украине ..., %

Table 2

There are different opinions about how Russia's special military operation in Ukraine has affected Russian society and human relations. And which point of view is closer to your opinion? Russia's military operation in Ukraine ..., %

Варианты ответов / Answer options	Все опрошенные / All respondents
Скорее объединила, сплотила российское общество / Rather, it united and consolidated Russian society	61
Скорее разобщила, разделила российское общество / Rather, it divided and alienated Russian society.	20
Никак не повлияла на российское общество / It had no impact on Russian society.	10
Затрудняюсь ответить / Hard to say	9

Падение показателя индивидуализма может также отражать ориентацию на общие цели и коллективные формы поддержки, что начинает восприниматься как более устойчивый механизм адаптации. Динамика с 2013 по 2025 гг. демонстрирует возврат к коллективистской модели общественного сознания, где ценности единства, солидарности и общих интересов начинают преобладать над установками личного успеха² Рисунок 1).

¹ Исследование о консолидации российского общества «Жизнь по своим правилам». 2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhizn-po-svoim-pravilam> (дата обращения: 07.09.2025).

² Опрос «Русский национальный характер» – представления россиян о национальном характере, 2025. URL: <https://fom.ru/TSennosti/15238> (дата обращения: 11.09.2025).

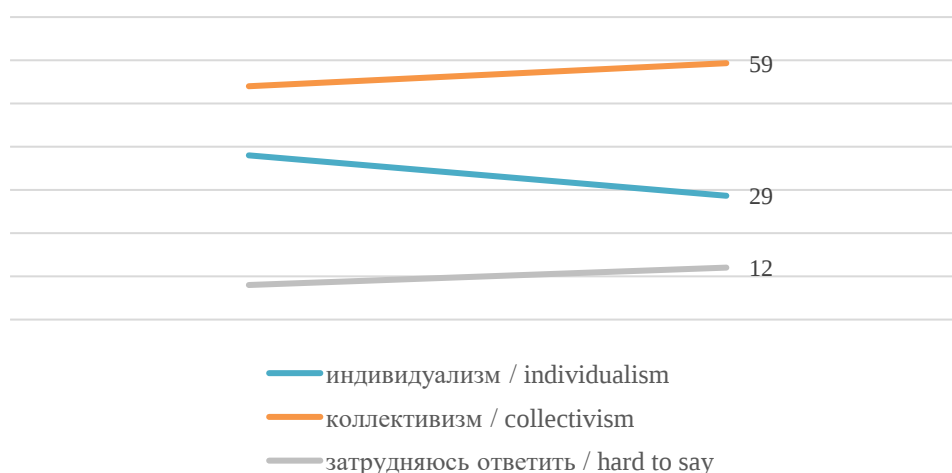


Рисунок 1. Как вам кажется, русским людям в большей мере свойственен индивидуализм или коллективизм? %

Figure 1. Do you think that Russian people are more characterized by individualism or collectivism? %

Таким образом, результаты социологических исследований демонстрируют поступательный рост уровня консолидации, коллективной идентичности и чувства национального единства в российском обществе. По сравнению с предыдущими периодами, заметно усилилось восприятие общности интересов и сопричастности к судьбе страны. Эта тенденция во многом связана с внешнеполитическими и экономическими вызовами последних лет, которые способствовали укреплению внутренней сплоченности и переосмыслению ценностей.

Внешние угрозы и санкционное давление стали не только фактором экономического стресса, но и стимулом для единения. В обществе усилились процессы самоидентификации – поиск ответов на вопрос, что значит быть «русским» в культурном, социальном и гражданском смысле.

Ситуация СВО, в таком случае, с одной стороны, является высоко мобилизующей, когда провоцирует кратковременное объединение усилий для оказания помощи заинтересованным группам, с другой стороны, и консолидирующей, когда формирует устойчивые объединения для борьбы с возникающими последствиями военной обстановки, что наиболее ярко проявляется в приграничных территориях. Объединившись для помощи сообщества пользователей, впоследствии могут масштабировать полученный опыт и продолжать взаимодействие по сходным или новым поводам, укрепляя тем самым консолидационную основу сообществ. Для регионального взаимодействия такие практики дают возможность мобилизовывать сообщества и привлекать их для решения важных социальных, политических, экономических и др. проблем территории.

К примеру, женские и молодежные сообщества Сибири, как и в других регионах страны, становятся активными участниками этих процессов: они объединяются для поддержки участников специальной военной операции, организуют сборы помощи, совместно плетут маскировочные сети и вяжут тёплые вещи. Через цифровые площадки создаются устойчивые онлайн-сообщества (например, «Сибирячки За СВОих», «Шьем и вяжем для наших. Республика Алтай», «Тепло Ямала – Вяжем нашим» и др.).

Усиление коллективистских установок, растущее чувство сопричастности и готовность к совместным усилиям позволяют рассматривать консолидацию сообществ в современных

реалиях не только как реакцию на внешние обстоятельства, но и как основу для дальнейшего проявления процессов социальной мобилизации, самоорганизации общества.

Анализ процессов консолидации именно молодежных и женских сетевых сообществ был проведен на примере обозначенных тематических сообществ Сибири. В качестве причин для консолидационных и мобилизационных процессов нами отмечаются обстоятельства, возникающие в контексте специальной военной операции, связанные с востребованностью помощи со стороны населения.

Первоначально для исследования нами были отобраны 251 женских и 301 молодежных сообщества в социальной сети «ВКонтакте», имеющих территориальную привязку (упоминание в названии) к Сибирскому региону, а именно следующим территориям: Ямало-Ненецкий автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ, Тюменская область, Кемеровская область-Кузбасс, Иркутская область, Томская область, Красноярский край, Республика Хакасия, Республика Тыва, Новосибирская область, Алтайский край, Республика Алтай.

Отбор всех сообществ осуществлялся вручную через поисковую строку «ВКонтакте». Первым критерием выступила территориальная привязка к Сибирскому макрорегиону (наличие наименования одного из регионов в названии). Женские сообщества были отобраны также по трем дополнительным критериям: во-первых, это привязка к полу и наличие корня «жен», во-вторых, указание в названии причастности к родительству – наличие слов «мама», «мамочки» и т. п., в-третьих, сочетание женской тематики и СВО, например, «жена героя» и т. п. Молодежные сообщества отбирались дополнительно по наличию в названии сообществ корня «молод».

Для оценки сетевой активности сообществ, их мобилизационного и консолидационного потенциала, отобранные сообщества были условно разделены по времени создания их сетевых профилей на четыре группы (табл. 3 и 4), связанные с периодами развития специальной военной операции:

Период 1. До начала СВО (до 24.02.2022 г.).

Период 2. Начало СВО – до объявления частичной мобилизации (24.02.2022 г. – 20.09.2022 г.).

Период 3. После объявления частичной мобилизации (21.09.2022 г. – 31.12.2023 г.).

Период 4. Настоящее время (01.01.2024 – 30.04.2025 г.).

Разделение на периоды в данном случае условно, так как официальной периодизации на данный момент в научной литературе еще не сложилось в силу незавершенности операции. Основным критерием для нас выступает социальный контекст изменений в ходе СВО, а не характер боевых действий.

Таблица 3

Количество созданных женских сообществ «ВКонтакте» в зависимости от периода развития специальной военной операции, %

Table 3

The number of created women's communities on VKontakte, depending on the period of development of the special military operation, %

До 24.02.2022	24.02.22 – 20.09.22	21.09.22 – 31.12.23	01.01.24 – 04.25
Ямало-Ненецкий АО / Yamalo-Nenets Autonomous Okrug			
11	2	4	0
Ханты-Мансийский АО / Khanty-Mansi Autonomous Okrug			
17	0	4	2

Тюменская область / Tyumen region			
19	0	7	1
Кемеровская область – Кузбасс / Kemerovo region			
16	0	3	1
Иркутская область / Irkutsk region			
9	0	2	0
Томская область / Tomsk region			
16	1	4	2
Красноярский край / Krasnoyarsk region			
14	1	4	1
Республика Хакасия / Republic of Khakassia			
8	0	2	0
Республика Тыва / Republic of Tyva			
8	1	1	2
Новосибирская область / Novosibirsk region			
27	2	3	2
Алтайский край / Altai region			
35	0	4	2
Республика Алтай / Republic of Altai			
7	0	5	1
Итого / Total			
187	7	43	14

Таблица 4

Количество созданных молодежных сообществ «ВКонтакте» в зависимости от периода развития специальной военной операции, %

Table 4

The number of created youth communities on VKontakte, depending on the period of development of the special military operation, %

До 24.02.2022	24.02.22 – 20.09.22	21.09.22 – 31.12.23	01.01.24 – 04.25
Ямало-Ненецкий АО / Yamalo-Nenets Autonomous Okrug			
8	1	1	2
Ханты-Мансийский АО / Khanty-Mansi Autonomous Okrug			
14	0	2	1
Тюменская область / Tyumen region			
18	0	0	0
Кемеровская область – Кузбасс / Kemerovo region			
30	1	3	0
Иркутская область / Irkutsk region			
19	1	2	0
Томская область / Tomsk region			
17	0	4	3
Красноярский край / Krasnoyarsk region			
22	0	0	0

До 24.02.2022	24.02.22 – 20.09.22	21.09.22 – 31.12.23	01.01.24 – 04.25
Республика Хакасия / Republic of Khakassia			
5	0	0	2
Республика Тыва / Republic of Tyva			
13	2	3	0
Новосибирская область / Novosibirsk region			
49	1	1	1
Алтайский край / Altai region			
35	1	2	2
Республика Алтай / Republic of Altai			
20	0	9	6
Итого / Total			
250	7	27	17

Члены женских сетевых сообществ в период начала СВО были по большей степени сосредоточены на адаптации к меняющимся условиям. В период частичной мобилизации (21.09.2022 – 31.12.2023) происходит рост создания сообществ. Основным содержательным трендом стало формирование горизонтальных сетей поддержки военных и их семей, где женщины выполняют организационные, координационные и эмоционально поддерживающие функции.

Так, появляются сообщества, относящихся к тематике СВО, количество которых составило – 22. Приведем их наименования: «Тепло Ямала – Вяжем нашим», «Шьем для наших в г. Ханты-Мансийск», «Шьем для наших Нижневартовск, Мегион, Излучинск», «Тюмень. Шьем и вяжем для наших!», «Шьем для наших ZVO Тюмень», «Сибирячки За СВОих», «Фотопроект “Жена, Мама Героя” в г. Юрга», «Шьем и вяжем на фронт», «Шьем для наших. Томск», «Вяжем для наших Томск», «Георгиевские пчелки», «Жена героя», «Шьем для победы Хакасия», «Союз офицерских жен Республики Тыва», «Матери Героев Республики Тыва», «Штаб помощи бойцам СВО (Мичуринский сельсовет)», «Штаб помощи мобилизованным и их семьям», «Гражданские жены бойцов СВО», «Жена Героя. Барнаул», «Жена Героя Бийск», «Шьем и вяжем для наших. Республика Алтай», «Совет Солдатских Матерей Республики Алтай».

В сегменте молодежных сообществ отсутствует появление специфических групп, связанных с тематикой СВО. Мы можем отметить лишь появление постов в сообществах, посвященных таким темам, как: помощь военнослужащим и их семьям, участие в благотворительных акциях для нужд СВО, встречи с героями и ветеранами СВО.

В период 24.02.2022 – 21.09.2022, после начала специальной военной операции фиксируется снижение числа новых сообществ. Это объясняется временной паузой в самоорганизации: требовалась адаптация и поиск новых смыслов деятельности; молодежные объединения находились в фазе ожидания и переосмысления миссий. В период мобилизации (21.09.2022 – 31.12.2023) наблюдается всплеск активности. Рост связан с поиском новых форм участия в общественной жизни. Молодежные сообщества всё чаще приобретали патриотическую и волонтерскую направленность.

Анализ контента в отобранных сетевых сообществах проводился за период с начала специальной военной операции с целью отследить специфические тенденции в публикациях данного периода, способных отразить проявления консолидационных и мобилизационных процессов региональных сообществ. Были выявлены не только тематические различия, но и фундаментально различная природа протекающих в них социальных процессов.

В женских сообществах, созданных с момента начала СВО, консолидация возникает на основе эмоциональной реакции на внешний вызов, где личная тревога, потребность во взаимной поддержке и помощи становятся катализатором. В данных сообществах имеет место кризисная консолидация, которая предполагает самостоятельное сплочение граждан, но осуществляемое под влиянием внешнего триггера, например, такого как СВО (Бабинцев, Гайдукова, Серкина, Шаповал, 2025: 56). В этом случае женщины сталкиваются с потерей мужей, сыновей, братьев и других близких, вследствие чего возникает желание помочь, а проще это сделать именно объединившись. Таким образом, осуществляется переход от общего чувства к конкретным, скоординированным действиям, который проявляется в создании сообществ ВКонтакте, таких как «Тепло Ямала – Вяжем нашим», «Шьем для наших в г. Ханты-Мансийск», «Шьем для наших Нижневартовск, Мегион, Излучинск» и др. В сообществах ВКонтакте мы наблюдаем материальные результаты консолидации. К ним относится, прежде всего, систематический сбор пожертвований – денежных, вещественных, лекарственных, где каждая посылка становится символом коллективных усилий. Так, например, в сообществе «Штаб помощи бойцам СВО (Мичуринский сельсовет)» периодически осуществляются благотворительные сборы с целью покупки необходимых товаров для солдат¹. Фиксация результатов – посты, фотографии и видеоотчеты о количестве проделанной работы – выполняют не только информационную, но и мощную мотивационную функцию, демонстрируя эффективность коллективного труда.

Консолидация в этих сообществах носит двойной характер: решая внешнюю задачу поддержки военнослужащих, она одновременно решает внутреннюю задачу через совместные мероприятия психологической поддержки, например, в сообществе «Союз семей военнослужащих Тюмени и ТО» реализуются совместные занятия спортом, где женщины обретают силы и уверенность в кругу единомышленниц².

Женские сообщества, помимо этого, являются объектом мобилизации со стороны власти. Так как сообщества стремятся активно помочь военнослужащим, государство, в частности, региональная и муниципальная власти, с целью привлечь еще большее количество участников предоставляет возможность сообществам поучаствовать в грантах, конкурсах на получение денежных сертификатов. Как, например, в случае сообщества «Шьем для наших Нижневартовск, Мегион, Излучинск». На деньги гранта, как пишут участники, планируется приобрести 2 швейные машины, раскройное оборудование и ткани для пошива одежды. Это свидетельствует о стремлении реализовать помощь солдатам в больших объемах и на постоянной основе³.

В молодежных сообществах наблюдается иная логика. Здесь изначальным импульсом служит административная консолидация, инициируемая «сверху» – образовательными учреждениями, региональными комитетами по делам молодежи или молодежными отделениями общественных организаций. Активность носит более формализованный, проектный характер и интегрируется в уже существующие структуры. К таким мобилизационным практикам можно отнести мероприятия помощи участникам СВО, такие как организованные мастер-классы по изготовлению «окопных свечей» и «браслетов

¹ Пост ВКонтакте «Денежный сбор на аккумуляторы для РЭБ и др. для солдат», дата поста: 23.07.2025, сообщество: «Штаб помощи бойцам СВО (Мичуринский сельсовет)». URL: https://vk.com/wall-223565901_801 (дата обращения: 27.09.2025).

² Пост ВКонтакте «Совместные занятия спортом в тренажерном зале», дата поста: 02.10.2025, сообщество: «Союз семей военнослужащих Тюмени и ТО». URL: https://vk.com/wall-30055301_10212 (дата обращения: 03.10.2025).

³ Пост ВКонтакте «Участие в конкурсе на грант с проектом на 2025 год «Шьем для наших. СВО. Госпитали»», дата поста: 13.02.2025, сообщество: «Шьем для наших Нижневартовск, Мегион, Излучинск». URL: https://vk.com/wall-216197629_643 (дата обращения: 03.10.2025).

выживания», например, в сообществе «Движение Первых | Алтайский край»¹. Сюда же относится участие во всероссийских проектах, например, отбор лучших практик вовлечения ветеранов, что указывает на интеграцию в общегосударственную повестку. Значительную роль играет просветительский и мемориальный компонент: создание и распространение фильмов и видео о жизни семей военнослужащих, проведение встреч с героями СВО («уроков мужества»), организация поздравлений для военнослужащих с праздниками, а также реализация всероссийских акций по увековечиванию памяти, таких как установка «парт героев» в школах.

Таким образом, в отличие от женских сообществ, где консолидация рождалась из личных, глубоко эмоциональных связей, здесь она в большей степени формируется вокруг предлагаемой извне символической и гражданской идентичности. Публикации в молодежных сообществах реже содержат личные истории и спонтанные обсуждения, будучи в большей степени сфокусированными на репрезентации участия в организованных акциях.

Процесс консолидации женских сообществ Сибири демонстрирует постепенный переход от индивидуальных инициатив к устойчивым формам коллективной самоорганизации. На раннем этапе такие объединения возникают как эмоциональный отклик на социально значимые события, когда личное переживание и потребность в сопричастности становятся основой для объединения.

В подтверждение приведем пример анализа кейса одного из женских сообществ Томской области. Так, основательница томского сообщества «Шьём для наших» Светлана Уханова в первом обращении (июнь 2023 г.) описывает мотив создания группы через личную ответственность и семейную преемственность: *«Я вспомнила свою бабушку, которая всю Великую Отечественную войну вязала варежки и носки для фронта. А почему я не могу помочь? Шить ведь я умею!»*². Подобные личные импульсы создают точку притяжения для других участниц, формируя базу эмоционального единения.

На следующем этапе консолидация проявляется в переходе от эмоциональной вовлеченности к распределению ролей и структурированию деятельности. Уже через несколько месяцев (ноябрь 2023 г.) проект описывает себя как действующую координационную сеть: кто-то занимается логистикой и доставкой, кто-то упаковкой и закупками, другие оказывают финансовую помощь. Таким образом, сообщество вырабатывает механизмы внутреннего взаимодействия и коллективного управления ресурсами³. Постепенно группа становится не просто местом общения, а неким организационным центром, где происходит распределение задач, планирование действий, здесь мы уже можем говорить о начале мобилизационных процессов, переходе к координированной социальной активности, направленной на достижение результата.

При этом стоит сказать, что со временем сообщество вышло за рамки «женского сообщества». В него включились мужья и родственники участниц, так постепенно «женский проект» трансформировался в семейное и даже межпоколенческое объединение, где труд, помощь и участие стали общей ценностью.

Далее происходит закрепление горизонтальных связей и символической идентичности. В публикациях 2024 года («Наши девочки собрали в дорогу Станислава...») появляется подчеркнутая личностная вовлеченность, переходящая в устойчивую систему

¹ Пост ВКонтакте «Фестиваль молодежи Алтайского края «АМФест»», дата поста: 03.09.2025, сообщество: «Движение Первых | Алтайский край». URL: https://vk.com/wall-218147368_111326 (дата обращения: 05.10.2025).

² Пост ВКонтакте «Предыстория создания сообщества», дата поста: 07.11.2023, сообщество: «Шьём для наших. Томск». URL: https://vk.com/wall-223272700_1 (дата обращения: 16.10.2025).

³ Пост ВКонтакте «О деятельности сообщества», дата поста: 07.11.2023, сообщество «Шьём для наших. Томск». URL: https://vk.com/wall-223272700_2 (дата обращения: 16.10.2025).

взаимопомощи. Визуальные образы – совместные фотографии, передачи подарков, упоминания конкретных бойцов – усиливают эффект «сообщества заботы», в котором эмоциональная солидарность становится практической деятельностью¹.

Дальнейшее развитие отражает институционализацию и общественное признание инициативы. Весной 2025 года группа получает благодарственное письмо за вклад в организацию праздничных мероприятий к 80-летию Победы, что фиксирует включение сообщества в публичное пространство и признание его социального значения². Юбилейное обращение в сентябре 2025 года («Сегодня нам исполнилось 3 года... но все мы верными шагами идем к одной цели – Победе!») демонстрирует не только устойчивость объединения, но и осознание коллективной миссии³.

Таким образом, консолидация – это не статическое состояние, а динамический процесс, включающий несколько этапов, которые представлены в Таблице 5.

Таблица 5

Этапы развития сетевых сообществ

Table 5

Stages of development of online communities

Этап / Stage	Характеристика / Characteristic	Индикаторы в онлайн среде / Indicators in the online environment
Возникновение сообщества / The emergence of a community	Реализация потребности, реакция на событие, формирование чата/группы / Fulfillment of a need, response to an event, formation of a chat/group	Появление новых сообществ, первые публикации, призывы к действию / The emergence of new communities, first publications, calls to action
Аккумуляция участников / Accumulation of participants	Присоединение новых членов / New members joining	Рост подписчиков, обмен личными историями / Growing followers, sharing personal stories
Нормирование и регуляция / Standardization and regulation	Установление доверия, выработка общего языка, правил / Establishing trust, developing a common language and rules	Согласованные действия (совместные акции, отчёты) / Coordinated actions (joint actions, reports)
Институционализация / Institutionalization	Формирование устойчивых связей и координации / Formation of stable connections and coordination	Партнёрства с НКО, участие в государственных инициативах / Partnerships with non-profit organizations, participation in government initiatives

¹ Пост ВКонтакте «Наши девочки собрали в дорогу Станислава», дата поста: 07.02.2024, сообщество «Шьём для наших. Томск». URL: https://vk.com/wall-223272700_108 (дата обращения: 20.10.2025).

² Пост ВКонтакте «Благодарственное письмо», дата поста: 28.06.2025, сообщество «Шьём для наших. Томск». URL: https://vk.com/wall-223272700_314 (дата обращения: 20.10.2025).

³ Пост ВКонтакте «Итоги прошедшего года», дата поста: 25.09.2025, сообщество «Шьём для наших. Томск». URL: https://vk.com/wall-223272700_318 (дата обращения: 22.10.2025).

Таким образом, рассмотренные этапы показывают, что консолидация развивается как поступательный процесс. В его основе лежит доверие, общая система ценностей и постоянное взаимодействие участников, в ходе которого сообщество не только укрепляет внутренние связи, но и постепенно превращается в устойчивый субъект социальной активности. Однако в периоды внешних вызовов, таких как СВО, частичная военная мобилизация, экономическое давление сетевые сообщества могут мобилизоваться. То есть переход к коллективным действиям, направленным на внешний результат: участие в акциях, организация волонтерской деятельности, взаимодействие с властями или благотворительными фондами. Мобилизация сетевого сообщества становится возможной тогда, когда внутри сообщества уже сформированы устойчивые горизонтальные связи, распределены роли, определена общая цель и накоплен опыт совместной деятельности. Исходя из таблицы, это этапы нормирования и институционализации.

В анализируемых нами сетевых сообществах, можно заметить характерную особенность: низкий уровень интерактивного взаимодействия в публичном пространстве. В группах «ВКонтакте» обсуждения в комментариях, как правило, отсутствуют или носят формальный характер. Посты выполняют, скорее, информационно-отчетную функцию: рассказывают о проделанной работе, собранных посылках, закупках материалов, благодарностях или значимых событиях. Это не площадка для дискуссий, а инструмент фиксации и демонстрации деятельности сообщества.

Такое поведение аудитории объясняется смещением коммуникации в закрытые цифровые каналы, в частности, в чаты Telegram и WhatsApp (запрещенные в РФ социальные сети). Именно там разворачивается «живая» социальная ткань сообщества: происходят обсуждения, делятся эмоциями, выражается поддержка, решаются организационные вопросы. По характеру сообщений, реакциям, эмодзи и голосовым аудиосообщениям можно увидеть более тесные эмоциональные связи участников. Здесь формируются доверительные отношения, появляется ощущение сопричастности и взаимопомощи.

Таким образом, сообщества в «ВКонтакте» чаще представляет собой витрину, публичную оболочку, отражающую результаты уже состоявшейся работы, а не сам процесс взаимодействия. Создание открытой страницы происходит, когда у группы уже есть определённая история, структура и коллективная идентичность. Публичное пространство используется для репрезентации и привлечения новых участников, тогда как ключевые формы общения и координации смещаются в приватные каналы, где участники чувствуют себя частью «своих» (Рисунок 2)¹.

¹ Приватные каналы в Telegram, реализующие помощь военнослужащим, 2025. URL: https://web.telegram.org/k/#@ZUyAq0_Mh6A2NzYy (дата обращения: 25.10.2025).

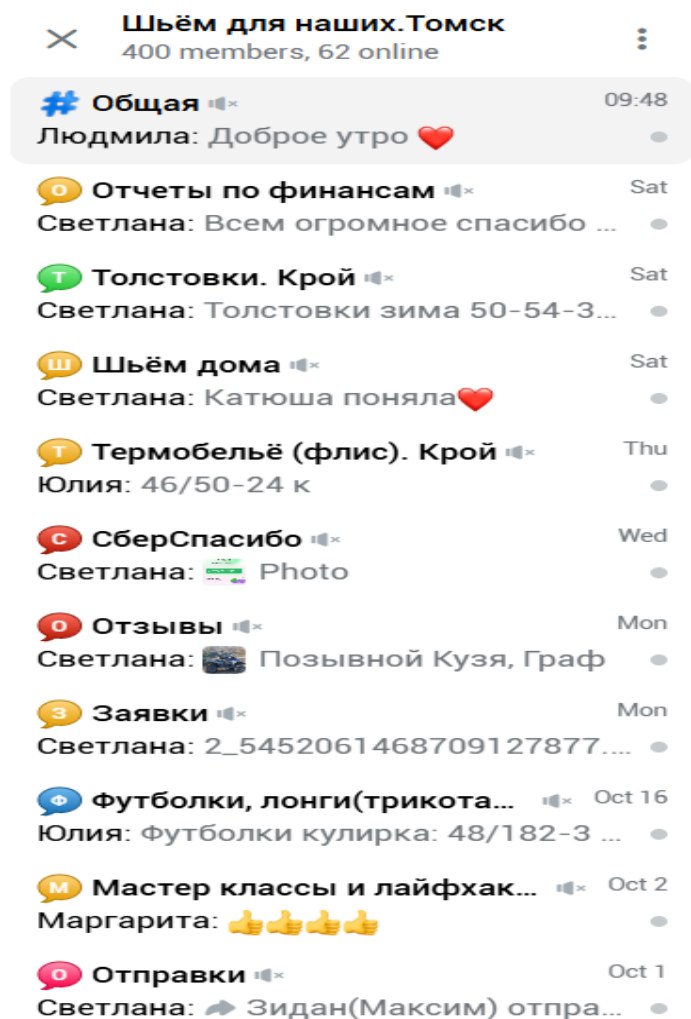


Рисунок 2. Приватные каналы в Telegram, реализующие помощь военнослужащим
Figure 2. Private Telegram channels that provide assistance to military personnel

Заключение (Conclusions). Процессы консолидации и мобилизации в региональных сетевых сообществах представляют собой взаимодополняющие явления. Консолидация, возникающая на основе общих ценностей, доверия и эмоциональной сопричастности, становится фундаментом, на котором формируются процессы мобилизации: перехода к совместным действиям и коллективным практикам.

В кризисных условиях (например, в контексте СВО и сопутствующих экономических ограничениях) именно консолидационные связи региональных сетевых сообществ обеспечивают готовность к коллективным действиям: сбору средств, организации гуманитарной помощи, производству необходимой продукции. Тем самым, мобилизация вырастает из уже сложившейся инфраструктуры доверия и взаимной поддержки.

Проведенный нами анализ процессов консолидации молодежных и женских сетевых сообществ Сибири в период СВО позволил выявить ряд особенностей. Так, в период 2022-2023 гг. происходит рост числа женских сообществ с тематикой специальной военной операции. Основным содержанием стало формирование горизонтальных сетей поддержки военных и их семей. В сегменте молодежных сообществ в этот период отсутствует появление специфических групп, связанных с тематикой СВО. При этом отмечаем появление отдельных постов в сообществах, посвященных таким темам, как: помощь военнослужащим

и их семьям, участие в благотворительных акциях для нужд СВО, встречи с героями и ветеранами СВО.

Консолидация в женских сообществах носит двойной характер: решая внешнюю задачу ресурсной поддержки военнослужащих (сбор вещей, продуктов, средств), она одновременно решает внутреннюю задачу — через совместные мероприятия осуществляется психологическая поддержка участников сообщества. В молодежных сообществах часто импульсом служит административная консолидация, инициируемая «сверху» — образовательными учреждениями, региональными комитетами по делам молодежи или молодежными отделениями общественных организаций. Активность носит более формализованный, проектный характер и интегрируется в уже существующие структуры.

При этом важно подчеркнуть, что мобилизация сообществ, возникшая в ответ на конкретные обстоятельства, например, помощь участникам СВО, потенциально может быть перенаправлена на решение других общественно значимых задач: волонтерство, локальные инициативы, взаимопомощь в чрезвычайных ситуациях, культурные проекты.

Наше исследование выявило, что сформированные по личным инициативам, в соответствии с собственными потребностями и интересами, действующие на самоорганизационных началах, женские сообщества в дальнейшем мобилизуются властью для других задач местного и регионального значения, но с сохранением высокого уровня самостоятельности решения проблем. Молодежные же сообщества демонстрируют варианты мобилизации исключительно через других акторов, держателей административного ресурса, показывая заданные варианты взаимодействия и реализации гражданских инициатив.

Понимание логики перехода от консолидации к мобилизации позволяет выстраивать более гибкие модели взаимодействия между населением и органами власти, разрабатывать инструменты поддержки общественных инициатив, создавать условия для вовлечения населения в решение локальных задач.

Таким образом, в условиях внешних угроз и структурных изменений российское общество демонстрирует способность к самоорганизации. Консолидация становится не только способом укрепления социальной идентичности, но и ресурсом мобилизации, который может быть перенаправлен на иные сферы.

Список литературы

Бабинцев В. П., Гайдукова Г. Н., Серкина Я. И., Шаповал Ж. А. Проблемы консолидации региональных сообществ: позиция социального реализма // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 1. С. 48-73. DOI: 10.19181/snsp.2025.13.1.3. EDN: QDYPZC.

Горшков М. К., Тюрина И. О. Консолидация российского общества в условиях современных вызовов: историко-социологический и ценностно-мировоззренческий контексты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2023. Т. 23, № 4. С. 720-739. DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-4-720-739. EDN: FQZJXO.

Забова Е. Н. Взаимодействие власти и населения: электронные реалии // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, №2. С.122-134. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-2-0-9. EDN: KPVQJZ.

Зябликов А. В., Максименко А. А., Ахунзянова Ф. Т., Зайцев А. В. Взаимодействие власти и общества в онлайн-диалоге (на примере Костромской области) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 6. С. 28-46. DOI: 10.21869/2223-1501-2023-13-6-28-46. EDN: UWZJTB.

Кривоусков В. В. Роль регионального сообщества как фактора консолидации России // Гуманитарий Юга России. 2024. Т. 13, № 1. С. 44-55. DOI: 10.18522/2227-8656.2024.1.2. EDN: DHEIWQ.

Леонтьева М. М., Санина А. Г. От информирования к взаимодействию? Особенности развития цифровых каналов коммуникации граждан и власти в регионах России // Мир России. 2025. Т. 34, № 2. С. 49-74. DOI: 10.17323/1811-038X-2025-34-2-49-74. EDN: GKNJNB.

Мерзляков А. А. Проблемы взаимодействия власти и населения в рамках реализации национальных проектов // Россия реформирующаяся. 2024. № 22. С. 308-338. DOI: 10.19181/ezheg.2024.12. EDN: THYNQV.

Мурзина И. А., Ретинская В. Н. Общество и государство в цифровой реальности современной России // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 9. С. 62-66.

Мысливец Н. Л. Социальная консолидация общества в контексте современных социальных практик // Социологический альманах. 2023. № 14. С. 217-224.

Никовская Л. И. Запрос на перемены: общественные ожидания и модальность предъявления // Социально-политические науки. 2024. Т. 14, № 4. С. 27-33. DOI: 10.33693/2223-0092-2024-14-4-27-33. EDN: NMZKXW.

Ревякин С. А. Об эффективности электронных платформ участия граждан в государственном управлении // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. № 2. С. 94-112. EDN: UTSSIR.

Сетевая социально-политическая мобилизация в сибирских регионах ресурсного типа: коллективная монография / Кранзеева Е. А., Головацкий Е. В., Бурмакина А. Л. [и др.] Кемерово: КемГУ, 2025. 168 с.

Троцук И. В., Дурсина А. Н. Цифровой вектор развития коммуникации между властью и населением в современном российском обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25, № 1. С. 182-202. DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-182-202. EDN: ETHFJQ.

Хунагов Р. Д. Консолидационные процессы в региональном социуме: этапы становления и ресурсный потенциал // Гуманитарий Юга России. 2023. Т. 12, № 5. С. 45-58. DOI: 10.18522/2227-8656.2023.5.3. EDN: FNDCQS.

Чигрин В. А., Узунов В. В. Особенности социальной консолидации региональных сообществ Юга России // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11, № 1. С. 150-159. DOI: 10.18522/2227-8656.2022.1.11. EDN: ZYZNSE.

Aiken M. Community Power and Community Mobilization // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. 1969. Vol. 385, № 1. Pp. 76-88. DOI: 10.1177/000271626938500108. EDN: JLBOYF.

Dempsey S. Mobilizing Potential: Pathways to Engaged Citizenship // Qualitative Sociology. 2026. № 49. Pp. 137-159. DOI: 10.1007/s11133-025-09622-z. EDN: GZBPFZ.

Luguzan C. Information technology and social cohesion: A tale of two villages // Journal of Rural Studies. 2017. № 54. Pp. 426-434.

Üblacker J., Liebig S., Hamad H. Catalysts of connection. The role of digital information and communication technology in fostering neighbourhood social cohesion: A systematic review of empirical findings // Urban Studies. 2024. Vol. 61, № 16. Pp. 3167-3186.

References

Babintsev, V. P., Gaidukova, G. N., Serkina, Ya. I. and Shapoval, Zh. A. (2025), "Problems of consolidation of regional communities: the position of social realism", *Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika*, 13 (1), 48-73, DOI: 10.19181/snsp.2025.13.1.3, EDN: QDYPZC. (In Russian)

Gorshkov, M. K. and Tyurina, I. O. (2023), "Consolidation of Russian society in the face of modern challenges: historical-sociological and value-ideological contexts", *RUDN Journal of Sociology*, 23 (4), 720-739, DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-4-720-739, EDN: FQZJXO. (In Russian)

Zaborova, E. N. (2024), "Interaction between government and population: electronic realities", *Research Result. Sociology and Management*, 10 (2), 122-134, DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-2-0-9, EDN: KPVQJZ. (In Russian)

Zyablikov, A. V., Maksimenko, A. A., Akhunzianova, F. T. and Zaitsev, A. V. (2023), "Interaction between authorities and society in online dialogue: a case study of the Kostroma region", *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i parvo*, 13 (6), 28-46, DOI: 10.21869/2223-1501-2023-13-6-28-46, EDN: UWZJTB. (In Russian)

Krivopuskov, V. V. (2024), "The role of the regional community as a factor in the consolidation of Russia", *Humanitarians of the South of Russia*, 13 (1), 44-55, DOI: 10.18522/2227-8656.2024.1.2, EDN: DHEIWQ. (In Russian)

Leontyeva, M. M. and Sanina, A. G. (2025), "From informing to interaction? Features of the development of digital communication channels between citizens and authorities in the regions of Russia", *Mir Rossii*, 34 (2), 49-74, DOI: 10.17323/1811-038X-2025-34-2-49-74, EDN: GKHJHB. (In Russian)

Merzlyakov, A. A. (2024), "Problems of interaction between government and population in the implementation of national projects", *Russia Reforming*, (22), 308-338, DOI: 10.19181/ezheg.2024.12, EDN: THYNQV. (In Russian)

Murzina, I. A. and Retinskaya, V. N. (2024), "Society and state in the digital reality of modern Russia", *Social and Humanitarian Knowledge*, (9), 62-66. (In Russian)

Myslivets, N. L. (2023), "Social consolidation of society in the context of modern social practices", *Sotsiologicheskii almanakh*, (14), 217-224. (In Russian)

Nikovskaya, L. I. (2024), "Request for change: public expectations and the modality of presentation", *Sociopolitical Sciences*, 14 (4), 27-33, DOI: 10.33693/2223-0092-2024-14-4-27-33, EDN: NMZKXW. (In Russian)

Revyakin, S. A. (2018), "On the effectiveness of electronic platforms for citizen participation in public administration", *Public Administration Issues*, (2), 94-112, EDN: UTSSIR. (In Russian)

Kranzeeva, E. A., Golovatsky, E. V. and Burmakina A. L. [et. al.] (2025), *Setevaya sotsialno-politicheskaya mobilizatsiya v sibirskikh regionakh resursnogo tipa: kollektivnaya monografiya* [Network socio-political mobilization in the resource-type Siberian regions: collective monograph], Kemerovo State University, Kemerovo, Russia. (In Russian)

Trotsuk, I. V. and Dursina, A. N. (2025), "The digital vector of communication development between authorities and the population in modern Russian society", *RUDN Journal of Sociology*, 25 (1), 182-202, DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-182-202, EDN: ETHFJQ. (In Russian)

Khunagov, R. D. (2023), "Consolidation processes in the regional society: stages of formation and resource potential", *Humanitarians of the South of Russia*, 12 (5), 45-58, DOI: 10.18522/2227-8656.2023.5.3, EDN: FNDCQS. (In Russian)

Chigrin, V. A. and Uzunov, V. V. (2022), "Features of social consolidation of regional communities in the South of Russia", *Humanitarians of the South of Russia*, 11 (1), 150-159, DOI: 10.18522/2227-8656.2022.1.11, EDN: ZYZNSE. (In Russian)

Aiken, M. (1969), "Community Power and Community Mobilization", *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, 385 (1), 76-88, DOI: 10.1177/000271626938500108, EDN: JLBOYF.

Dempsey, S. (2026), "Mobilizing Potential: Pathways to Engaged Citizenship", *Qualitative Sociology*, (49), 137-159, DOI: 10.1007/s11133-025-09622-z, EDN: GZBPFZ.

Luguzan, C. (2017), "Information technology and social cohesion: A tale of two villages", *Journal of Rural Studies*, (54), 426-434.

Üblacker, J., Liebig, S., Hamad, H. (2024), "Catalysts of connection. The role of digital information and communication technology in fostering neighbourhood social cohesion: A systematic review of empirical findings", *Urban Studies*, 61(16), 3167-3186.

Статья поступила в редакцию 15 ноября 2025 г. Поступила после доработки 18 августа 2026 г.
Принята к печати 10 сентября 2026 г.

Received 15 November 2025. Revised 18 August 2026. Accepted 10 September 2026.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Брандт Яна Александровна, младший научный сотрудник учебно-научной лаборатории социологических исследований Кемеровского государственного университета, Кемерово, Россия.

Yana A. Brandt, Junior Researcher at the Educational and Scientific Laboratory of Sociological Research, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

Бурмакина Анна Леонидовна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник учебно-научной лаборатории социологических исследований Кемеровского государственного университета, Кемерово, Россия.

Anna L. Burmakina, Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher at the Educational and Scientific Laboratory of Sociological Research, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

Рыбакова Оксана Сергеевна, лаборант-исследователь учебно-научной лаборатории социологических исследований Кемеровского государственного университета, Кемерово, Россия.

Oksana S. Rybakova, Research Assistant at the Educational and Scientific Laboratory of Sociological Research, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

Кранзеева Елена Анатольевна, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник учебно-научной лаборатории социологических исследований, заведующая кафедрой социологических наук Кемеровского государственного университета, Кемерово, Россия.

Elena A. Kranzeeva, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher at the Educational and Scientific Laboratory of Sociological Research, Head of the Department of Sociological Sciences, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.